

«Турбулентность» исторической действительности или «турбулентность» мысли?

**В.В. Журавлев, доктор истори-
ческих наук**

*Турбулентное течение (от лат.
turbulentus — бурный, беспорядочный),
течение жидкости или газа, при котором
частицы совершают неупорядоченные,
хаотические движения по сложным траек-
ториям...*

(Из Энциклопедического словаря)

Вынесенная в заголовок дилемма как нельзя лучше, на мой взгляд, характеризует то суммарное впечатление, которое возникает в итоге прослушанного нами доклада А.Н. Окары. Формулируя эту дилемму, я не вкладываю в нее какого-либо негативного, уничижительного для докладчика смысла. Следует отдать должное и дерзновенности авторского замысла, и попыткам реализовать этот замысел масштабными, заслуживающими уважения размышлениями и выводами в русле проблемы такого уровня сложности, когда на «турбулентность» самого объекта анализа — исторического процесса — накладывается неупорядоченность наших попыток в подходе к его *системному* осмыслению.

Один из самых главных и острых для России (и далеко не только для нее) вопросов современности заключается в том, как в условиях неотвратимо наступающего диалектически неоднозначного процесса глобализации сохранить свою цивилизационную идентичность. И более того, как выявить, смоделировать и реализовать на практике аналитический образ этой идентичности в качестве единственно приемлемого и эффективного инструмента теоретического обеспечения процесса вхождения страны в мировой модернизационный

поток при сохранении собственного «цивилизационного лица». Только такое решение искомой задачи способно наполнить реальным смыслом и содержанием столь модную сегодня концепцию многополярного, но отнюдь не разобщенного мира.

Ставя проблему таким образом, облачая ее в формы сугубо современных представлений и современных понятий, неправильным было бы думать, что она — в зародыше своем — возникла только сегодня. В своих исторически конкретных обстоятельствах и формах над загадкой ее разрешения общественная мысль и социально-политическая практика России бьется уже давно. Наглядный урок конфликта намерений и результатов массивной атаки на эту проблему, урок, зафиксированный опытом и результатами самой жизни, реалиями предреволюционной и революционной действительности, дает нам история российской многопартийности вековой давности.

В програмmatике основных политических партий страны начала XX столетия, во взглядах и предпочтениях идеологов и лидеров этих политических партий заключена беспрецедентная попытка, опираясь на то или иное специфическое понимание проблемы, которую мы сегодня называем проблемой цивилизационной идентичности страны, основываясь на сугубо *своем* видении путей реализации этой идентичности, перевести вопрос из области теоретических споров в ранг реальной политики. А именно: разработать рассчитанные на воплощение в жизнь конкретные *модели переустройства страны*. Модели, которые формулировались в обстановке жесточайшего кризиса самодержавного строя и были ориентированы на обеспечение выхода из создавшейся ситуации теми или иными (эволюционными, революционными) способами.

Политический процесс в России в начале XX в. развертывался в обстановке бескомпромиссной борьбы альтернатив общественного развития. Но за кулисами этой политической

схватки стояла одна главная проблема. Если ее выразить современным языком, то она будет звучать следующим образом: как по-разному понимаемую проблему *цивилизационной идентичности* России (т. е. некий интегрированный, качественный итог пройденного ею исторического пути) перевести в ранг *модернизационной идентичности* — в виде заявки на реализацию определенной модели преобразования данной действительности. Думаю, что об этом опыте небесполезно будет напомнить в ходе развернувшейся сегодня дискуссии.

Несмотря на свою очевидность, идея альтернативности, многовариантности исторического процесса с трудом пробивает себе дорогу. И не только на уровне обыденного сознания, интуитивно тяготеющего к однозначности, но и среди определенной части обществоведов, в том числе историков. В течение последних двух десятилетий идеологический официоз «неодолимой силы исторического прогресса», ведущей советский народ «столбовой дорогой к торжеству коммунизма», в одночасье сменился на закате «перестройки» пафосом новых отечественных радикалов, звавших нас влиться в некое столь же призрачное «русло мировой цивилизации» под далеким от идеалов демократического выбора лозунгом «Иного не дано!».

Политические страсти момента, однако, со временем сходят на нет. Проблемы же обретения страной своей модернизационной идентичности остаются. Проблемы, которые могут решаться не в виде исполнения наших затаенных надежд и благих пожеланий, но в достаточно жестких, заданных всем ходом исторического развития России параметрах и пределах того, на что мы *вправе* рассчитывать. Опираясь при этом на возможно более адекватное знание и понимание реальных (а не умозрительных) как потребностей страны, так и возможностей их реализовать. С неременным учетом при этом адаптационного потенциала отечественной ментальности, способной (или же не способной) «переварить» и принять вторгающиеся в нашу жизнь новации.

Отечественная общественно-политическая мысль, активно и творчески используя идеи мирового обществознания, немало сделала для того, чтобы «проверить алгеброй гармонию» и на основе так или иначе понимаемых возможностей и тенденций развития страны очертить контуры видения ее будущего. Что представляли собой эти разнородные и разнонаправленные в социально-политическом плане попытки, взятые в совокупности, в соотношении, взаимовлиянии и столкновении? Каково было их реальное воздействие на российскую историческую практику? Чему сегодня способны научить нас и от чего предостеречь опыт и уроки их формулирования и внедрения в жизнь?

К комплексному ответу на эти вопросы отечественная историография приходит постепенно. Один из важных этапов на этом пути — выход в свет коллективной монографии «Модели общественного переустройства России: XX век» (Отв. ред. В.В. Шелохаев. — М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004).

Поставив перед собой задачу «системно представить сущность моделей общественного преобразования в их целом, а также формы и механизмы их реализации, предлагаемые различными представителями интеллектуальной и политической элиты России» (с. 6), авторы труда реализуют ее в четко структурированном виде.

С ходом и главными результатами этого поиска, думаю, небезынтересно будет ознакомиться участникам настоящей дискуссии. Ибо они на основе анализа реального опыта истории дают весьма красноречивый комментарий и ответ на одно из центральных положений заслушанного нами сегодня доклада.

Развивая идею *soft power*, докладчик заявляет буквально следующее: «На современном этапе развития человечества, связанном с ростом ценности нематериальных активов — образов, текстов, символов, мифов, — все больше распространяется представление о том, что теперь будущее можно

создать: спроектировать и воплотить скоординированными усилиями относительно немногочисленного «креативного класса». Технологии «мягкой власти» приобретают исключительное значение «строительного материала» нового мира».

Следует прежде всего заметить, что «ценность нематериальных активов» («идей, идеалов, представлений, символов, сакральных объектов и текстов, моделей поведения, образа жизни и т. д.» — по инвентаризации докладчика) для отечественных мыслителей, идеологов и политиков различных направлений начала прошлого века обладала отнюдь не меньшей (если не большей!), чем сегодня, важностью и притягательностью. И конструируя свои модели переустройства России, они также усматривали в них некий «строительный материал», ориентированный в будущее страны.

О чем сегодня может поведать нам этот масштабный социально-политический эксперимент и вытекающий из его итогов опыт? Этому и посвящен упомянутый выше фундаментальный труд, созданный коллективом крупных исследователей-обществоведов.

Анализируя проблемы российской модернизации в контексте мировой истории, авторы фиксируют, что к началу XX в. модернизационный процесс в стране практически исчерпал те стимулы, которые были даны ему реформами второй половины XIX в., выявив «опасный разрыв между его технико-технологической, социокультурной и политической составляющими» (с. 119). Широкими мазками воссоздана социально-экономическая и политическая панорама предреволюционной России, включающая в себя оценку тому, что сделало и, главным образом, чего не сделало царское правительство к 1917 г. для ликвидации этого разрыва, спровоцировав тем самым условия для появления альтернативных его политике планов решения наиболее острых общественных проблем, а также для формирования и развития идейно-политических течений, предлагавших свои модели модернизации страны.

Последующие разделы монографии посвящены анализу основных из этих моделей: консервативной (А.В. Репников); либеральной (В.В. Шелохаев, Н.И. Канищева); народнической (В.В. Зверев) и анархистской (Е.В. Старостин); социал-демократической в ее как большевистской, так и меньшевистской модификациях (С.В. Тютюкин).

Под понятием *модели общественного развития* авторы труда понимают определенную исходную концептуальную схему, парадигму «системообразующих теоретических, идеологических, программных и стратегических положений» (с. 6), способных выразить суть той или иной альтернативы общественного развития. В рамках ее они выделяют две составляющие. Первая из них выступает на уровне «собственного национального «инвариантного ядра» идеологической модели», близкого, как мне представляется, понятию мировоззренческого кредо. Вторая составляющая модели — программные положения, способные эволюционизировать, видоизменяться под воздействием конкретно-исторических обстоятельств, ситуационных подвижек в целом. Исходя из того, что «догоняющий» тип российской модернизации обусловил специфические черты всех без исключения общественно-политических течений в стране, одну из важных исследовательских задач авторы монографии видели в «увязке» проблемы типа отечественной модернизации и типа модели общественного преобразования России. Отметим, что такого рода постановки не имеют — на уровне комплексного подхода — аналогов в отечественной историографии.

Анализ моделей общественного развития России авторы осуществляют в порядке «справа — налево». Хотя, как известно, в исторической практике конца XIX — начала XX вв. идеи переустройства страны формулировались и становились знаменем определенных политических сил в прямо противоположной последовательности, зародившись первоначально в леворадикальной части социально-политического спектра. У авторов, однако, на этот счет имеется

своя, достаточно убедительная логика: вначале охарактеризовать модели, нацеленные на сохранение существующего в стране общественного строя за счет частичного, в той или иной мере существенного его обновления, чтобы затем — с полным пониманием значимости и эффективности предлагаемых этими силами терапевтических методов реализации модернизационных вызовов эпохи — приступить к анализу леворадикальных моделей, звавших к хирургическому вторжению в ткань общественных отношений, к разрушению «мира насилия» и возведению несущих конструкций новой России на развалинах России — императорской и капиталистической.

Общим для всех авторов требованием остается анализ социально-экономической программы каждого из общественно-политических течений, предлагаемых ими способов решения проблем модернизации общественного и государственного строя, системы местного самоуправления, межэтнических отношений и национального вопроса в целом. Вместе с тем, материал каждого из разделов, посвященных анализу определенной модели переустройства страны, структурирован по-своему, с учетом индивидуальных черт, специфики иерархии ценностей, положенных в основу каждой из рассматриваемых моделей.

Естественным в этой связи является тот факт, что характеристика *консервативной модели* начинается с анализа основ понимания российскими консерваторами монархического принципа. С учетом религиозной (восточнохристианской — православной!) константы, лежавшей в основе этого принципа, но часто не учитываемой исследователями. Важно подчеркнуть, что данная модель рассматривается не только в охранительном ключе, но и в плане поиска представителями консервативного течения компромисса с происходившими в стране переменами. При этом консерватизм предстает перед нами не как некий монолит «реакционности и мракобесия», а как довольно сложное полихромное явление, сотканное из то-

нов и полутонов, явление, подверженное воздействию модернизационных процессов, происходивших в стране на рубеже XIX и XX столетий. В этих условиях, как справедливо отмечает автор, одни из идеологов консерватизма эволюционизировали в направлении от умеренно-консервативных взглядов к охранительным (М.Н. Катков, К.П. Победоносцев). Другие в это же самое время осознавали узость национал-изоляционизма, приходя к пониманию общности исторических судеб России и Запада (М.О. Меншиков) и даже допуская возможность выхода из сложившейся в стране ситуации в «союзе социализма с русским самодержавием» (К.Н. Леонтьев).

«Символом веры» **российских либералов**, большая часть которых стояла — вплоть до падения царизма — на позициях эволюции самодержавия в конституционную или парламентарную монархию, были уже идеи гражданского общества и правового государства. Это позволило им сконструировать альтернативную авторитарному режиму рационалистическую модель общественно-политической системы, базирующейся на принципах разделения властей, верховенства закона, всестороннего обеспечения прав личности и социальных гарантий граждан, на идеях формирования правового государства, создания эффективной рыночной экономики, на основах цивилизованного решения национальных, конфессиональных, внутри — и внешнеполитических проблем.

В своем итоговом виде теоретическая модель либерального переустройства России представляется в виде своеобразного синтеза субмоделей, получивших свое отражение в программатике нескольких либеральных партий. Факт «расщепления» общей либеральной модели следует оценивать диалектически. С одной стороны, он вел к ослаблению социально-политических позиций либерального движения как единого целого. С другой же стороны, расширял диапазон социально-политического маневра либералов, позволяя им в зависимости от конкретной ситуации выдвигать то одну, то другую субмодель: «Таким образом, действовала свое-

образная цепочка, позволявшая либералам на протяжении длительного времени поддерживать... их программные требования» (с. 378). Перед нами — интересное и важное наблюдение, не потерявшее своей актуальности по сей день.

Свой последовательный эволюционизм в решении не только тактических, но и стратегических задач российские либералы начала прошлого века (в разительном отличии от либералов, «демократов» конца того же века) рассматривали как наиболее действенное (с учетом черт ментальности такого инерционного социума, каким был тогда — и в немалой степени остается сегодня — российский социум) средство «наикратчайшим путем, по выражению видного деятеля кадетской партии Ф.Ф. Кокошкина, приблизиться к осуществлению наших политических идеалов, тех принципов, которые мы кладем в основу нашей программы» (с. 255).

По-иному видели «наикратчайший» путь к осуществлению своих идеалов идеологи и вожди радикальных, революционных политических сил российского общества начала XX столетия.

Эсеровская парадигма социализма была нацелена — в идеале — на постепенное, длительное, без государственного диктата и насилия вращение патриархального крестьянства в систему отношений индустриального общества. Более умеренной, рассчитанной на реализацию в рамках эволюционных подвижек, инициируемых парламентскими методами, была энесовская (народно-социалистическая) субмодель. Наиболее сильной стороной народнических проектов будущего страны являлся предложенный ими альтернативный вариант смешанной, многосекторной и социально ориентированной экономики, кооперативный сектор которой мог стать для крестьян, трудящихся в целом — в обстановке социальной стабильности и гражданского мира — своеобразной школой «вращения» в цивилизованные рыночные отношения.

Не все идеологические и политические течения, однако, поддаются достаточно определенному моделированию.

С трудностями включения в единую систему начал апологии «русского бунта» в трудах М.А. Бакунина и кооперативного анархизма П.А. Кропоткина столкнулся автор главы, посвященной *анархистскому течению* отечественного революционного движения.

Новых подходов требует анализ *социал-демократической модели* переустройства страны. Не абсолютизируя различий в доктринальных представлениях большевистского и меньшевистского крыла российской социал-демократии, важно выявить специфику ленинской интерпретации марксизма: «Сохраняя все признаки внешнего сходства с марксизмом и неизменно декларируя свою почти религиозную приверженность ему, ленинизм предложил более жесткое, агрессивное и вместе с тем сугубо прагматическое толкование основных положений марксистской доктрины...» (с. 488–489). В качестве характерных черт марксистско-ленинской концепции социалистической революции и строительства социализма следует выделить прежде всего такие, как погоня за быстрыми темпами развития, гипертрофия насилия, особый акцент на репрессивных, карательных функциях диктатуры пролетариата, расширительное толкование понятия «враги народа», мессианское понимание роли России как базы для мировой революции и готовность пожертвовать во имя торжества последней благосостоянием собственных граждан, создание неизвестной прежде миру системы симбиоза коммунистической партии и советского государства.

Существенные стороны общего видения проблемы общественного переустройства России, проистекающего из сопоставительного анализа его различных моделей, изложены в Послесловии к означенному труду, принадлежащему перу ответственного редактора. Зафиксировав, что эпицентр «идеологических битв» на переломе веков проходил в зоне, разделявшей требования либеральной и социалистических моделей, В.В. Шелохаев очерчивает круг первостепенных об-

стоятельств, определивших неуспех первой из них и необычайную популярность второй.

Русскому либерализму не удалось выполнить консолидирующую идеологическую роль и обеспечить эволюционное протекание модернизационного процесса прежде всего потому, что в России начала XX столетия отсутствовала среда адекватного восприятия либеральной идеологии как конструкции в основе своей рациональной. Парадоксально, но факт, что именно неадекватность восприятия социалистических идей стала одной из основ их популярности в массах. Ибо именно «природный «социалистический инстинкт» (а не рациональный расчет — В.Ж.) русского мужика и стал ... трансляционным и коммуникативным каналом для «прививки» и восприятия социалистических лозунгов» (с. 561). К этому следует добавить, что социалисты — в политическом диапазоне от эсеров до большевиков — «уловили ведущую черту народного социального движения, которая выражалась в истинно российском размахе — «под корень»». Именно это обстоятельство создавало в реалиях «догоняющего» типа развития почву для лидирующих позиций моделей именно опережающего характера, содержавших мощный социальный заряд, подкрепляемый надеждами на «динамизм будущего развития» (с. 363, 362).

В итоговых суждениях рецензируемого труда проводится еще одна важная мысль: все исторически значимые модели общественного переустройства страны исходили из одной, пусть и весьма неоднородной, социальной общности — из среды отечественной интеллигенции (определенным аналогом которой в новых, современных исторических условиях можно признать упоминаемый автором обсуждаемого сегодня доклада «креативный класс»). Именно российская интеллигенция в эпоху «бури и натиска» начала XX столетия бестрепетно взяла на себя миссию выступать от имени тех или иных классов и сословий российского общества, выражать «истинные» интересы крестьянства, рабочего класса,

средних слоев. А это значило, что все социально-политически значимые модели в той или иной степени, в различных формах и вариациях содержали в себе черты и признаки в сущности одной и той же ментальности, «несли на себе все «родимые пятна», свойственные русской интеллигенции как целому» (с. 379).

Последнее умозаключение, чрезвычайно актуально звучащее в современных условиях, позволяет, на мой взгляд, пойти дальше авторов упомянутого труда, попытавшись на основе компаративного анализа выявить сквозные линии, показать за внешней несхожестью, несочетаемостью, «герметичностью» отдельных моделей черты и качества, их внутренне, сущностно сближавшие.

Попытаюсь проиллюстрировать это на примере одной, но ключевой для всех моделей проблеме «власть и общество». Исконный для русской истории, получивший официальное оформление с XVI в. постулат божественной сущности царской власти к началу XX в. выкристаллизовался в консервативную теорию монарха как «отца» нации и его подданных — «детей». Параллельно с этим и в противовес данным идеям в народнической среде созрела концепция «героя и толпы», которая затем нашла свою модификацию в трактовке Н.К. Михайловским интеллигенции как духовной элиты общества и своеобразного «инкубатора» великих людей — творцов исторического процесса. Большевики, исходявшие, согласно своему партийному гимну, из убеждения, что дать освобождение народу не способен «ни бог, ни царь и ни герой», тем не менее, объединили их в одном обезличенном понятии «партия», придав ему этим самым черты сакральности и наделив свойствами некоего пантократора, вседержителя.

Стержень всех этих формально столь непохожих трактовок, как видим, един: явный или подспудный синдром авторитарности политического мышления и действия как характерная черта ментальности отечественной интеллигенции в целом в сочетании с мировоззренческой и идеологической

самодостаточностью представителей отдельных партийно-политических направлений в ее среде.

В результате, как справедливо подчеркивается во Введении рассмотренной книги, «вековая привычка к социальному насилию, насаждаемому авторитаризмом, была дополнена в России идеологическим насилием» (с. 8). Стремление либералов начала прошлого века (так не похожих на тех, кто провозгласил себя либералами и «демократами» в конце этого же столетия) внести в понимание проблемы соотношения власти и общества элементы политического реализма обернулось против них, не найдя отзвука в массах.

Возвращаясь *в итоге* к обсуждаемой сегодня проблеме, хочу подчеркнуть, что конкретно-исторический подход позволяет за абстрактными теоретическими конструкциями увидеть один из актов *драмы* поиска Россией своей модернизационной идентичности, которая разворачивалась на авансцене осмысления в тех или иных вариациях идентичности цивилизационной. Драмы идей и теоретических моделей преобразования страны, оставшихся в основе своей нереализованными. Драмы различных социальных и политических сил, уверенность которых в эксклюзивной истинности предлагавшихся ими путей в будущее оказалась призрачной. Драмы апелляций к умеренности, эволюционизму, трезвости и реализму, оказавшихся отброшенными социальной практикой. Наконец, драмы строительства общественных отношений по лекалам одной из социалистических моделей, столь популярных в стране со второй половины XIX в. и представлявших целым поколениям если не идеальными, то предпочтительными.

Тем не менее, осмысление исторического опыта моделирования сложных и внутренне противоречивых идеологических доктрин и освященных ими общественно-политических течений России эпохи социальных потрясений вековой давности и сегодня носит ярко выраженный конструктивный характер. Это делает усилия в русле решения данной за-

дачи полезными не только для историков, обществоведов в целом, но и для ныне действующих политиков.

Именно в назидание им в первую очередь адресован итоговый вывод вышеупомянутого труда: «Исторический опыт подсказывает, что для «мира миров», каким и является Россия, необходима именно синтетическая общенациональная модель социального развития, учитывающая совокупность исторических особенностей и традиций. Разработать и принять такую модель может лишь само общество» (с. 565).

Найти, «выстрадать» *свое*, оптимальное именно для России (в этом основная трудность!) сочетание в такой интегральной модели начал либерализма, консерватизма и социализма различных оттенков (что в той или иной мере уже удалось сделать «продвинутым» странам от А до Я: от Англии до Японии включительно) — в этом сегодня и состоит «вопрос вопросов» в поиске нашей страной своего места в мире и пути в будущее.

Представленная докладчиком модель (или проект, как он сам называет свою конструкцию) возможного решения этой задачи в широком контексте интеграции государств, составляющих, по убеждению автора, единую «восточнохристианскую цивилизацию», базируется, к сожалению, лишь на одном, хотя и важном — религиозно-конфессиональном — факторе и не учитывает целого набора другого рода факторов и конкретно-исторических обстоятельств, что делает данное построение, хотя умозрительно и интересным, но практически весьма уязвимым.